

МАКС
БЕЛЫЙ

СТРАСТЬ
ВСЕГДА
ИМЕЕТ
ЦЕНУ

ИСКУШЕНИЕ

НЕ ВЛЮБЛЯЙСЯ В МЕНЯ!

Макс Белый

Искушение. Не влюбляйся в меня!

<https://litres.ru/74522783>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Не забыть жить» — записка на холодильнике в старой панельке напоминает двадцатилетней Ане Соколовой о мечтах, которые пришлось отложить. Она учится на кондитера, в одиночку растит дочь и пытается выжить под гнётом материнских упрёков. Одна-единственная пятница, когда подруга силой вытаскивает её в клуб, меняет всё. Случайная стычка с преследователем сталкивает Аню с Максимом Воронцовым. Он не принц из сказки. Он — жесткий миллиардер и владелец технологической империи. Максим готов бросить к её ногам весь мир и решить любую проблему. Но его защита душит, а элитная квартира кажется золотой клеткой. С первого дня он ставит ледяное условие: «Не влюбляйся в меня». У него свои демоны, болезненная потребность в тотальном контроле и грязные тайны прошлого. Аня не хочет стать послушной собственностью, но сопротивляться его пугающей притягательности невозможно. Сможет ли их любовь выдержать разрушительную правду, когда Максиму всё-таки придется открыть свою самую мрачную папку?

Содержание

Глава	4
Глава 1. Две комнаты	5
Глава 2. Колледж	21
Глава 3. Пятница	41
Глава 4. До дома	59
Глава 5. Семь дней	79
Глава 6. Он снова здесь	98
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Макс Белый
Искушение. Не
влюбляйся в меня!

Глава

Глава 1. Две комнаты

В панельной трехкомнатной квартире Соколовых на окраине Челябинска никогда не было по-настоящему тихо. Панельные стены толщиной в ладонь неохотно держали тепло, зато исправно транслировали чужую жизнь. Днем здесь звенела посуда, бубнил старый телевизор из комнаты матери, а из детской доносился дробный топ маленьких ножек. Но тяжелее всего была ночная тишина — фальшивая, наэлектризованная, наполненная шорохами старого дома, гулом водопроводных труб и тяжелыми вздохами за тонкой перегородкой. На часах, стоявших на тумбочке, загорелись ядовито-зеленые цифры: 02:17. В этот же момент Соня заплакала. Аня проснулась сразу, словно от сильного толчка в грудь. За два года материнства она давно научилась отличать глубокий сонный вздох или легкое хныканье от настоящего, требовательного плача. Настоящий означал только одно — нужно вставать прямо сейчас, пока звук не набрал силу и не разбудил всю квартиру. В комнате было прохладно. Фонарь за окном резал глухую темноту стены резкой, уродливой желтой полосой, в которой лениво кружились пылинки. Аня на ощупь спустила ноги с кровати, поежилась от прикосновения холодного линолеума и натянула поверх тонкой майки растянутую домашнюю кофту. Она сделала два быстрых шага к детской кроватке, аккуратно подняла дочь на ру-

ки и прижала к себе, баюкая. — Тише, маленькая, тише... — хриплым от сна шепотом запричитала Аня, мерно покачиваясь из стороны в сторону. — Мама здесь. Всё хорошо. Соня, горячая и влажная от сна, уткнулась носом ей в изгиб плеча. Ее маленькие пальчики резко вцепились в ворот Аниной кофты, ловя привычный запах лавандового детского мыла и маминого тепла. Постепенно судорожные всхлипы стали утихать, сменяясь прерывистым, тяжелым дыханием. На кухне монотонно и глухо тикали старые часы-ходики. Из гостиной, где спал отец, доносился едва различимый, бубнящий звук телевизора — он опять уснул под полуночное шоу, забыв нажать кнопку на пульте. Аня замерла, прислушиваясь к звукам коридора. Мать наверняка проснется, если Соня закричит сильнее. Галина Ивановна спала чутко, чуткостью уставшего, измученного мигренями человека, и ее утренние упреки были последним, что Ане хотелось выслушивать перед учебой. Прижимая к себе затихающую дочь, Аня медленно ходила от кровати к окну и обратно. Шаг. Еще шаг. Разворот. Эта траектория была вытоптана в ее памяти до автоматизма. Она остановилась у подоконника и прижалась лбом к прохладному стеклу. За окном расстилался серый, застывший в ноябрьской полутьме челябинский двор. Обычный, как тысячи других: темные силуэты припаркованных машин, сиротливый костяк детской площадки с заиндевевшими качелями и одинокий фонарь, раскачивающийся от порывов ветра. Ничего особенного. Ничего, за что мог бы

зацепиться взгляд. Аня скользнула глазами по стеклу и наткнулась на собственное отражение, едва заметное на фоне ночной улицы. Двадцать лет. На мгновение ей показалось, что из темноты на нее смотрит чужая, взрослая, бесконечно уставшая женщина. Светлые волосы собраны на затылке в небрежный, растрепанный узел, из которого выбились пряди. Под большими глазами залегли тени. На плече кофты медленно расплывалось влажное пятно от детской пижамы — Соня пустила слюну, засыпая. Малышка наконец обмякла на руках, затихнув окончательно. Ее дыхание стало ровным и глубоким. Аня постояла у окна еще пару минут, просто впитывая эту редкую минуту абсолютной тишины, когда от нее никто ничего не требовал. Затем она аккуратно, стараясь не дышать, переложила Соню обратно в кроватку, подтянула до самого подбородка байковое одеяло и поправила плюшевого зайца в изголовье. Уходя, она бросила быстрый взгляд на дверцу старого двухкамерного холодильника, стоявшего в углу ее двенадцатиметровой комнаты ради экономии места. В блеклом свете уличного фонаря на белой эмали отчетливо выделялся криво приклеенный желтый квадратик. Старая записка, написанная ее собственным, еще округлым школьным почерком: «Не забыть жить». Аня написала её прошлой зимой, в один из тех дней, когда отчаяние подкатывало к самому горлу. Теперь, глядя на эти буквы, она поймала себя на мысли, что не помнит, зачем вообще это сделала. Что тогда значило это «жить»? Свободу? Кофе в тишине? Прогулки до

полуночи? Сейчас все это казалось картинками из чужого, недоступного журнала. Она потянулась к телефону, лежавшему на краю стола. Экран моргнул, безжалостно высветив время: 02:31. Через три часа сорок минут зазвенит будильник. Вставать. Из коридора донесся шорох шлепанцев, и в приоткрытой двери показался тяжелый силуэт матери. Галина Ивановна стояла в накинутом на плечи платке, щурясь от темноты. — Ань, ты воду ребенку поставила? — донесся тихий, скрипучий голос, в котором привычное раздражение мешалось с заботой. — Опять колобродите. — Да, мам, поставила, — так же тихо ответила Аня, убирая телефон в карман. — А смесь проверила? Есть там на утро? — Всё есть, ложись. Мать вздохнула, поправила платок и, что-то недовольно проворчав под нос про «ночную жизнь», ушла к себе. Аня снова легла на узкую кровать, укрылась с головой и закрыла глаза. Спать оставалось совсем ничего.

Утром квартира пахла подгоревшей кашей, влажным полотенцем и кофе, который Галина Ивановна варила так крепко, будто собиралась не проснуться, а начать войну с новым днём.

Аня стояла у раковины и одной рукой мыла бутылочку Сони, другой пыталась застегнуть на дочке кофту. Соня крутилась, вырывала руку и требовала включить мультик.

— Пять минут, — сказала Аня.

— Мама, сейчас.

— Ты говоришь «сейчас» уже десять минут.

Из комнаты донёлся голос матери:

— Ань, ты в колледж вообще собираешься?

— Собираюсь.

— И ребёнка мне опять оставляешь?

Аня закрыла глаза. Всего на секунду. Этой секунды хватило, чтобы почувствовать усталость почти физически — как тяжёлый шар между лопатками.

— Мам, у меня практика.

— У тебя всегда практика.

Отец, до этого молча листавший новости за кухонным столом, поднял взгляд.

— Галь, отстань от неё с утра.

Галина Ивановна замолчала. Не потому, что согласилась, а потому, что спорить с мужем ей было лень.

Аня быстро собрала волосы. На холодильнике по-прежнему висела записка, написанная её почерком ещё зимой: «Не забыть жить».

Она задержала на ней взгляд.

Смешно. Иногда ей казалось, что она написала эту фразу не себе, а какой-то другой девочке — той, которая ещё верила, что жизнь обязательно начнётся потом. После диплома. После денег. После Сониного сада. После того, как родители перестанут смотреть на неё как на ошибку.

Телефон завибрировал.

Лера: «Сегодня не сливайся. Вечером идём в „Гараж“. Я тебя забираю».

Аня улыбнулась впервые за утро.

«Я не могу».

Ответ пришёл мгновенно:

«Можешь. Я уже решила».

Аня посмотрела на Соню, потом на холодильник.

— Ладно, — тихо сказала она сама себе. — Один вечер.

Соня подняла голову.

— Мама, ты куда?

— Жить, — ответила Аня и сама удивилась тому, как странно прозвучало это слово.

— Куда?

— Пока не знаю.

Она поцеловала дочь в макушку, сунула в карман розовую резинку, которую Соня вчера сняла с косички, и вышла в коридор.

В тот момент она ещё не знала, что этот маленький вечер действительно изменит её жизнь. Только совсем не так, как она представляла.

В тот же вечер, когда Аня вернулась из колледжа, Соня сидела на полу и пыталась натянуть носок на пластмассовую куклу.

— Не получается? — спросила Аня.

Соня сердито посмотрела на носок.

— Нога большая.

— У куклы?

— Да.

— Согласна. Ужасная проблема.

Аня села рядом. За окном уже темнело. В окне напротив горел телевизор, и на стене двигались синие отблески.

— Мамочка, смотри.

Соня протянула ей куклу.

— Красиво.

— Я сама.

Эти два слова почему-то ударили Аню сильнее, чем любые замечания матери. Сама. Соня уже училась этому слову, хотя пока не знала, насколько трудным оно окажется для взрослого человека.

— Да, — тихо сказала Аня. — Сама.

Она поправила дочке волосы и заметила на тумбочке свои конспекты. Завтра практика. Потом магазин. Потом стирка. Потом сон, если повезёт.

Аня посмотрела на записку на холодильнике.

«Не забыть жить».

— Мамочка?

— Что?

— Ты грустная?

Аня улыбнулась.

— Нет.

Соня наклонила голову.

— Врёшь.

Аня рассмеялась.

— Кто тебя этому научил?

— Бабушка.

Из кухни донеслось:

— Я всё слышу!

Аня засмеялась уже по-настоящему.

Утро началось с ложки, упавшей на пол.

Соня проснулась раньше будильника и немедленно решила, что вся квартира должна проснуться вместе с ней.

— Мама! Мама!

Аня открыла глаза и несколько секунд смотрела в потолок.

— Я здесь.

— Каша.

— Конечно каша.

На кухне Галина Ивановна уже ставила чайник.

— Ты опять ночью почти не спала?

— Спала.

— Два часа — это не сон.

Аня ничего не ответила. Она поставила кастрюлю на плиту, достала молоко и одновременно попыталась найти чистую ложку.

— Ань, — сказал отец из-за стола.

Она обернулась.

— Что?

— Не ругайся с матерью с утра.

Галина Ивановна фыркнула.

— Я не ругаюсь. Я говорю правду.

Отец посмотрел на дочь.

— Правда тоже бывает разной.

Аня на секунду застыла.

Отец редко вмешивался. Обычно он уходил на работу раньше, чем начинались их разговоры, а вечером уставал настолько, что отвечал односложно.

— Спасибо, пап.

Он пожал плечами.

— Я просто сказал.

Соня потянула Аню за кофту.

— Мама, каша.

— Иду.

Она поставила перед дочерью тарелку и посмотрела на часы.

До первой пары оставалось сорок минут.

Аня сунула в карман телефон, ключи и маленькую розовую резинку, которую Соня почему-то опять оставила у неё.

На секунду она посмотрела на холодильник.

«Не забыть жить».

Сегодня эта фраза показалась ей почти насмешкой.

Но она всё равно улыбнулась.

Когда будильник зазвонил, Аня подумала, что не сможет встать.

Потом услышала, как Соня возится в кровати.

И встала.

Так начиналось почти каждое утро её жизни.

Она не была героиней. Иногда ей хотелось накрыться одеялом и сделать вид, что никого нет. Иногда она завидовала

девушкам в автобусе, которые могли после пар поехать куда-нибудь, не думая о том, кто будет ужинать и кто уложит ребёнка.

Иногда она злилась на Соню за то, что та забирала последние силы.

И каждый раз после этой мысли Аня чувствовала себя чудовищем.

Но потом дочь просыпалась, сонно улыбалась и протягивала руки.

И Аня снова брала её на руки.

Не потому, что была идеальной.

Потому, что была её мамой.

Это различие она поняла не сразу.

Иногда по вечерам Аня садилась рядом с Соней и просто смотрела, как дочь играет.

Она пыталась представить её через десять лет.

Какой она будет?

Будет ли помнить эту маленькую комнату?

Будет ли помнить, как мама носила её на руках ночью?

Аня надеялась, что нет.

Не потому, что ей было стыдно.

Потому, что детство должно быть легче.

Она посмотрела на холодильник.

«Не забыть жить».

Теперь эта записка означала для неё другое.

Не гулять до утра.

Не забывать о ребёнке.

Не искать чужого разрешения на счастье.

Просто помнить, что она тоже человек.

С собственными желаниями.

Ошибками.

Правом сказать «нет».

И правом однажды сказать «да».

В тот вечер она впервые за долгое время легла спать не с мыслью о том, что завтра снова надо выдержать день, а с ощущением, что, возможно, день можно прожить иначе.

Глава 2. Колледж

Глава 2. Колледж

В вестибюле торгово-экономического колледжа пахло мокрыми шерстяными пальто, хлорированным моющим средством и пережженным зерновым кофе из автомата, стоявшего у раздевалки. Этот запах Аня узнала бы с закрытыми глазами. Запах места, где время будто остановилось, застряв между лекциями по калькуляции и бесконечными часами кондитерской практики. Она сдала куртку в гардероб, мельком глянув в мутное зеркало на стене. Черный свитер сидел на ней мешковато, скрывая фигуру, но зато на нем не было видно пятен, если вдруг ганаш решит брызнуть из кондитерского мешка. — Ты опять не выспалась, — Лера возникла рядом бесшумно, пахнув дорогими духами с нотками ванили и сигаретным дымом. Она уже успела переодеться в белоснежный поварской китель, который на ней — тонкой, высокой, с ярким каре — смотрелся как элемент дизайнерской коллекции, а не рабочая форма. — По мне видно? — Аня вздохнула, доставая из сумки сменную обувь. — Соколова, по тебе видно всё, — Лера критически окинула ее взглядом, задерживаясь на тенях под глазами. — По тебе видно даже то, что ты вчера ужинала в

гордом одиночестве, баюкая учебник по микробиологии. Давай шевелись, Валентина Петровна сегодня не в духе. Го-

ворят, ей проверку из министерства пообещали. Технологическая лаборатория встретила их гулом огромных промышленных миксеров и жаром от духовых шкафов. Здесь было стерильно и шумно. На длинных нержавеющей столах уже стояли весы, глубокие дежи и пакеты со сливками. Валентина Петровна — грузная женщина с гладко зачесанными в пучок седыми волосами и взглядом директора оборонного завода — вошла в аудиторию ровно со звоном. Она с глухим стуком положила тяжелый журнал на стол и окинула студентов недобрым взглядом. — Сегодня у нас тема: кремы на шоколадной основе, — ее голос легко перекрывал шум вентиляции. — Зачетная работа. Кто испортит текстуру, перегреет шоколад или допустит отслоение сыворотки — переделывает за свой счет. Продукты выделены строго под расчет. Вопросы есть? Группа притихла. Переделывать за свой счет кондитерские сливки тридцатитрехпроцентной жирности никто не хотел — стипендия и так была копеечной. — Соколова, — Валентина Петровна посмотрела на Аню поверх очков. — Ганаш на вас. Посмотрим, как вы за лето не растеряли навыки. К весам. Аня кивнула, завязывая сзади тесемки плотного фартука. Внутри привычно екнуло. После академического отпуска возвращаться к учебе было тяжело. Ей было двадцать, а большинству одногруппников — по восемнадцать. Они жили другой, легкой жизнью: обсуждали новые треки, спорили, в какой бар пойти в субботу, и перекидывались мемами в общем чате. Аня в этом чате почти

не писала. О чем ей было говорить? О том, что у Сони режутся коренные зубы? Она отмерила темный шоколад, поставила сотейник со сливками на плиту. Время пошло. Через час, когда крем нужно было взбивать, что-то пошло не так. То ли сливки оказались перегретыми, то ли шоколад подвел, но масса в деже миксера вместо гладкой, шелковистой текстуры вдруг пошла крупинками. Крем получился слишком густым, матовым и комковатым. — Черт... — тихо вырвалось у Ани. Пальцы подрагивали. — Перебила? — Денис, сидевший за соседним столом, заглянул в ее чашу. Он был добродушным, полноватым парнем, который вечно опаздывал на пары, но готовил потрясающие бисквиты. — Сливки холодные добавь, может, спасет. Аня резко схватила пакет, плеснула немного сливок в массу и снова включила миксер. Стало только хуже. Крем окончательно расслоился на жирную желтоватую жижу и плотные комки. Ганаш был безнадежно испорчен. Тень Валентины Петровны накрыла стол Ани раньше, чем та успела спрятать дежу. Преподавательница молча посмотрела на результат, затем на Аню. — Что будете делать, Соколова? — в ее голосе не было злости, только сухой профессиональный интерес. Аня сглотнула вставший в горле комок. Ей хотелось сказать, что она устала, что спала сегодня три часа, что мысли путаются. Но здесь это никого не волновало. — Переделывать, — ответила она, глядя прямо в глаза преподавателю. — Вот именно. Берите новые ингредиенты у кладовщика. В журнале отмечу. И поторопитесь,

до конца пары сорок минут. Аня полезла в карман фартука за ручкой, чтобы записать пропорции, но пальцы наткнулись на что-то мягкое и резиновое. Она вытащила руку. На ладони лежала

маленькая, ярко-розовая детская резинка для волос со смешным пластиковым цветком. Соня сунула ее ей в карман еще утром, перед тем как пролить кашу. Аня смотрела на этот глупый розовый цветок, и губы сами собой дрогнули в улыбке. Вся злость на испорченный крем, на Валентину Петровну, на невыспавшуюся себя вдруг ушла, уступив место мягкому, щемящему чувству. — Дочкина? — тихо спросил Денис, заметив заминку. — Да, — Аня бережно сжала резинку в кулаке. — Она считает, что это браслет. Надевает на запястье и ходит важная. — Миленькая, — Денис улыбнулся, крутя в руках кондитерский шприц. — Моя племяншка тоже так делает. Слушай, давай я тебе помогу шоколад на ба- не подтопить, пока ты за сливками ходишь? А то не успеешь до звонка. — Спасибо, Ден. Спасешь, — Аня убрала резинку обратно в карман, вдохнула и снова взялась за работу. На этот раз она следила за каждым градусом. Шоколад таял медленно, сливки дошли до нужной точки, и когда миксер за- тих, в деже блеснул идеальный, глянцевый, темно-каштановый ганаш. Валентина Петровна мазнула лопаткой по краю, попробовала и молча поставила в журнал «четверку». Для нее это было высшей похвалой.

В колледже всё было проще: здесь никто не называл её

плохой матерью. Здесь она была просто Аней — той, у которой иногда пригорает крем и которая лучше всех умеет украшать капкейки тонким насадочным рисунком.

— Не торопись, — сказала Валентина Петровна, когда Аня слишком резко выдавила крем. — Ты его сейчас убьёшь.

— Крем?

— Себя. Крем только пострадает первым.

Лера засмеялась из-за соседнего стола.

На подносе у Ани стояли шесть тарталеток. Пятая получилась идеально. Шестая расплылась.

— Вот, — сказала Валентина Петровна. — Теперь смотри. Почему?

Аня пожала плечами.

— Слишком тёплый крем.

— И слишком спешишь. Ты всё время куда-то торопишься.

Эта фраза зацепила сильнее, чем должна была.

На перемене Лера протянула ей стаканчик кофе.

— Сегодня вечером никаких «я устала».

— Я правда устала.

— Именно поэтому и идём.

Аня посмотрела на телефон. Мама прислала сообщение: «Не задерживайся. Соня плохо спала».

— Видишь?

— Вижу. И ещё вижу, что ты опять отменишь всё ради чувства вины.

— Это моя дочь.

— Я знаю. Но ты тоже человек.

Аня промолчала.

После занятий они задержались у гардероба. За окном шёл мокрый снег, превращая двор в серую кашу. Лера рассказывала какую-то историю про преподавателя, но Аня вдруг поймала себя на мысли, что хочет действительно пойти вечером. Не потому, что Лера уговорила. Потому, что ей хотелось хотя бы несколько часов не быть девочкой, которая всё время кому-то должна.

— Хорошо, — сказала она.

— Что?

— В «Гараж».

Лера довольно улыбнулась.

— Вот. Видишь? Ты умеешь принимать решения.

— Не привыкай.

В этот момент у Ани из кармана выпала маленькая розовая резинка. Она подняла её, покрутила в пальцах и положила обратно.

Лера заметила.

— Опять Соня?

— Она везде.

— Даже когда её нет.

Аня улыбнулась.

— Особенно тогда.

На следующий день Валентина Петровна оставила Аню

после практики.

— Ты талантливая.

Аня насторожилась.

— Но?

— Никаких «но». Просто талантливая.

— Тогда почему вы так смотрите?

— Потому что талант без дисциплины — это красивый способ ничего не добиться.

Аня убрала венчик в шкаф.

— Я стараюсь.

— Я вижу. Но ты постоянно живёшь на пределе.

— У меня ребёнок.

— Я знаю.

Преподавательница помолчала.

— Но ребёнок не должен стать объяснением, почему ты перестала быть собой.

Аня опустила глаза.

— А если я уже не знаю, какая я?

— Тогда начни с простого. Делай то, что любишь, каждый день хотя бы час.

Аня кивнула.

Вечером она действительно достала из старой тетради рецепт, который когда-то придумала сама. Шоколадный крем с облепиховой начинкой. Смешное сочетание, которое мать назвала «ерундой».

Она приготовила маленькую порцию.

Получилось неидеально.

Но впервые за долгое время Аня не выбросила результат.

Она съела ложку прямо у плиты и улыбнулась.

— Нормально.

Из коридора донёлся голос Сони:

— Мама вкусно?

— Очень.

— Мне?

Аня засмеялась.

— Тебе завтра.

Она ещё не знала, что этот крем позже станет одной из вещей, которые Максим будет просить приготовить снова.

Дополнительная сцена после главы 2

В колледже Аня однажды пришла раньше всех.

Коридор ещё пах свежей уборкой, мокрыми куртками и сладким тестом из учебной кухни. За окнами серело утро.

Она включила свет и открыла шкаф с инвентарём.

— Уже здесь?

Валентина Петровна стояла в дверях.

— Не спалось.

— Соня?

— Нет. Я сама.

Преподавательница кивнула.

— Это хорошо.

Аня достала миску.

— Можно я попробую тот рецепт?

— Свой?

— Да.

— Конечно.

Они работали молча почти час. Аня взбивала крем, Валентина Петровна следила за температурой.

— Ты заметила, что когда работаешь, ты спокойнее?

— Потому что тесто не разговаривает.

— Зато оно отвечает на ошибки.

Аня улыбнулась.

— В этом есть что-то честное.

Когда первый десерт получился, преподавательница отрезала маленький кусок.

— Неплохо.

— Только неплохо?

— Если похвалить тебя сразу, ты перестанешь стараться.

Аня рассмеялась.

— Жестокая женщина.

— Поэтому ты и учишься.

Позже Аня сфотографировала десерт. Она не знала зачем.

Потом отправила снимок Максиму.

Ответ пришёл через минуту:

«Красиво. А пробовать?»

«Нет».

«Тогда не считается».

Она сфотографировала откушенный кусок.

«Теперь?»

«Теперь считаю себя счастливым».

Аня несколько секунд смотрела на экран, прежде чем убрать телефон.

Она поняла, что начинает ждать его сообщений не как события, а как части обычного дня.

На практике Валентина Петровна ходила между столами так, будто инспектировала военную часть.

— Кто оставил масло у печи?

Никто не ответил.

— Я спрашиваю ещё раз.

Лера тихо толкнула Аню локтем.

— Не дыши.

— Почему?

— Она чувствует страх.

Аня едва не рассмеялась.

— Соколова! — раздалось над ухом.

— Да?

— Крем.

— Что с ним?

— Слишком жидкий.

Аня посмотрела на миску.

— Я добавила сливки по рецепту.

— По рецепту — не значит с головой.

Лера отвернулась, чтобы скрыть улыбку.

После занятия Аня осталась мыть инвентарь.

Горячая вода шла тонкой струёй. Пахло моющим средством, шоколадом и жжёным сахаром.

— Ты могла уйти, — сказала Лера.

— Могла.

— Но осталась.

— Мне нужно научиться.

— Чему?

Аня посмотрела на свои руки.

— Не бояться, что у меня что-то не получится.

Лера помолчала.

— А Максиму ты уже сказала, что тебе иногда страшно?

— Нет.

— Почему?

— Потому что он и так слишком много знает.

Лера вздохнула.

— Ань, любовь — это не экзамен на секретность.

— Я не говорила, что люблю его.

— Я тоже не говорила.

Они посмотрели друг на друга.

— Ненавижу тебя, — сказала Аня.

— Взаимно.

После практики Аня задержалась у окна.

Во дворе студенты курили, смеялись и торопились к остановке.

Лера подошла сзади.

— Домой?

— Через пять минут.

— Почему?

Аня посмотрела на двор.

— Не знаю.

— Ты его ждёшь?

— Нет.

— Конечно.

Аня улыбнулась.

— Я просто думаю.

— Опасно.

— Все сегодня это говорят.

Они вышли вместе.

В автобусе было душно. Пахло мокрыми куртками и дешёвым кофе.

Аня смотрела в окно.

Челябинск проносился мимо серыми домами, рекламой, трамвайными проводами.

Обычный город.

Обычный день.

Но ей почему-то казалось, что после той ночи в клубе обычной уже ничего не будет.

После пары Валентина Петровна задержала Аню.

— Останься.

Аня напряглась.

— Я что-то сделала?

— Сделала.

Она замолчала.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Обычно после этих слов мне делают замечание.

Валентина Петровна впервые улыбнулась.

— Ты стала лучше работать.

Аня не ожидала.

— Спасибо.

— Не за что. Просто продолжай.

Аня вышла из кабинета и несколько секунд стояла в коридоре.

Ей хотелось позвонить Максиму.

Но она позвонила матери.

— Мам.

— Что?

— Меня похвалили.

Пауза.

— За что?

— За практику.

Галина Ивановна ответила не сразу.

— Ну вот. Значит, можешь.

Аня улыбнулась.

— Могу.

И впервые это слово прозвучало не как попытка доказать что-то матери.

Как доказательство самой себе.

И это было страшнее любой первой встречи.

Глава 3. Пятница

Глава 3. Пятница

В пятницу Аня все-таки достала из глубины шкафа старое черное платье. Оно висело там больше двух лет, зажатое между бесформенными теплыми свитерами, мамиными старыми кардиганами и детскими вещами, из которых Соня давно выросла. Платье было куплено еще до беременности, на выпускной в школе. Ткань — плотный трикотаж, облегающий тело как вторая кожа, короткий подол и открытые ключицы. Перед зеркалом в прихожей Аня долго всматривалась в свое отражение, застегивая молнию на боку. Платье казалось ей слишком тесным. Не потому, что она поправилась — материнство и вечная беготня, наоборот, высушили ее фигуру, оставив лишь острые бедра и тонкую талию. Оно казалось тесным психологически. В этой одежде было слишком много открытого пространства, слишком много Ани, которая не принадлежала никому, кроме самой себя. На секунду в стекле она увидела прежнюю Аню Соколову. Девушку, которая могла выйти из дома в одиннадцать вечера просто потому, что захотелось пройтись. Которая не высчитывала секунды до возвращения, не проверяла резко телефон и не носила в карманах детские резинки. — Мам? — раздался сонный голосок снизу. Аня вздрогнула и обернулась. Соня стояла в дверях большой комнаты, протирая кулачками гла-

за. На ней была пижама со смешными медведями, а в руке она сжимала того самого зайца с оторванным ухом. Из гостиной квартиры доносился тяжелый вздох Галины Ивановны — мать демонстративно гремела чашками на кухне, показывая всем своим видом, что совершает величайшее одолжение. — Ты куда? — Соня сделала два шага вперед и уцепилась ручонками за черный подол. Аня присела на корточки, чувствуя, как ткань платья натянулась на коленях. Она аккуратно убрала светлую прядку с лица дочери и поцеловала ее в теплый лоб. — Мама скоро придет, маленькая. Поспишь с бабушкой, хорошо? Я быстро. Соня наклонила голову набок, разглядывая ее. Маленькие пальчики коснулись открытой шеи Ани. — Ты красивая, — серьезно выдала малышка. Аня тихо рассмеялась, и внутри нее впервые за этот длинный день что-то отпустило. Напряжение в плечах ослабло. — Спасибо, моя радость. Все, беги к бабе Гале. У подъезда уже резко затормозил старенький хэтчбек Леры. Подруга ударила по клаксону, и Аня, на ходу застегивая пальто, выскочила в холодный ноябрьский воздух.

К вечеру город изменился. Днём Челябинск казался бесцветным, рабочим и усталым, а ночью зажигался вывесками, фарами и отражениями в мокром асфальте.

Лера ждала у подъезда в длинном пуховике.

— Ты выглядишь так, будто идёшь не в клуб, а на экзамен.

— Потому что я не знаю, что надеть.

— На тебе джинсы.

— И?

— И ты прекрасна.

— Ты врёшь.

— Конечно. Но уверенно.

Аня рассмеялась.

Перед выходом она ещё раз позвонила матери.

— Соня уснула?

— Да.

— Если проснётся...

— Я знаю.

— Мам...

— Иди уже.

В «Гараже» было жарко. Музыка ударила в грудь ещё у входа. Воздух пах лаймом, сладким парфюмом, алкоголем и чем-то металлическим от мокрых курток.

Аня сначала держалась у стены. Первый коктейль обжёг горло. Второй сделал плечи легче. После третьего Лера уже тащила её танцевать.

— Только не говори, что тебе не нравится.

— Мне не нравится.

— Ты улыбаешься.

— Это нервное.

— Конечно.

Через некоторое время Аня почувствовала чужую руку на локте.

— Потанцуем?

Она повернулась. Мужчина был обычным. Даже слишком обычным: тёмная рубашка, короткая стрижка, спокойная улыбка.

— Нет, спасибо.

— Я просто спросил.

— Я просто ответила.

Он отступил.

Аня уже отвернулась, когда снова почувствовала его рядом.

— Девушка, не надо так нервничать.

— Я не нервничаю.

— Тогда почему уходишь?

Она шагнула назад.

— Потому что хочу.

Он усмехнулся и схватил её за запястье.

Всё произошло быстро. Чья-то рука легла поверх его руки. Спокойно, без резкого движения.

— Отпусти.

Аня подняла глаза.

Мужчина рядом был выше, чем она ожидала. Тёмная куртка, спокойное лицо, серые глаза.

— Мы разговариваем, — бросил незнакомец.

— Нет, — ответил мужчина. — Ты держишь её.

— А тебя это касается?

— Теперь — да.

Так Аня впервые увидела Максима Воронцова.

В «Гараже» было слишком громко, чтобы услышать собственные мысли. Именно поэтому Ане там сначала понравилось.

Она танцевала с Лерой, смеялась, пыталась не смотреть на часы.

— Тебе идёт, — сказала Лера.

— Что?

— Быть не мамой.

Аня перестала улыбаться.

— Я и мама тоже.

— Я не это имела в виду.

— Я знаю.

Музыка сменилась. Свет стал красным, потом белым. На секунду Ане показалось, что она снова семнадцатилетняя — без Сони, без долгов, без разговоров матери.

А потом она увидела свой студенческий билет на полу.

Маленькая карточка с фотографией, где она смотрела слишком серьёзно.

«Кондитер. Группа...»

Она подняла его.

— Всё, — сказала Аня. — Я домой.

— Рано.

— Нет.

Она уже шла к выходу, когда Роман подошёл.

— Ты так быстро?

— Да.

— Я могу проводить.

— Не надо.

— Я не опасный.

— Я не спрашивала.

Он улыбнулся, но глаза остались холодными.

Аня почувствовала первое неприятное напряжение ещё до того, как он схватил её.

В «Гараж» они попали ближе к половине одиннадцатого. У входа Аня ещё раз посмотрела на экран телефона. От Сони было одно короткое сообщение от матери: «Уснула. Не переживай». Она ответила смайликом и убрала телефон в сумку.

— Всё, — сказала Лера. — Сегодня ты официально не мама, не студентка и не человек, который всем должен.

— А кто?

— Девушка, которая пришла выпить коктейль и сделать вид, что у неё нет проблем.

Аня рассмеялась.

— На десять минут?

— На всю ночь.

Внутри было жарко. Бас не столько звучал, сколько бился в грудной клетке. Под ногами липнул пол, воздух пах лаймом, алкоголем, сладкими духами и чем-то жареным. Аня сначала держалась напряжённо, словно всё ещё находилась в квартире и ждала, что кто-нибудь сейчас позовёт её по имени.

Потом появился первый коктейль.

Он обжёг горло, заставил поморщиться и рассмеяться.

Второй оказался легче.

После третьего Аня перестала смотреть на часы.

— Вот, — довольно сказала Лера, наблюдая за ней. — А теперь запомни это ощущение.

— Какое?

— Когда ты не думаешь, что должна кому-то.

Аня хотела ответить, но музыка стала громче. Она позволила Лере втянуть себя в танец.

Несколько минут ей действительно было хорошо.

Почти непривычно хорошо.

Она двигалась под музыку, смеялась, поправляла волосы и впервые за долгое время не чувствовала себя женщиной, которая слишком рано стала взрослой. В отражении тёмного зеркала она увидела себя — двадцатилетнюю, немного уставшую, с растрепавшимися волосами и смешными серь-

гами, которые утром выбрала Соня.

И вдруг подумала: может быть, та записка на холодильнике всё-таки была написана не зря.

«Не забыть жить».

Она улыбнулась собственному отражению.

И именно в этот момент кто-то за её спиной сказал:

— Девушка, вы одна?

Аня обернулась.

Лера ушла в туалет, а Аня осталась у бара.

Она заказала воду.

— Уже скучно? — раздался рядом мужской голос.

Аня повернула голову.

Роман улыбался.

— Я не одна.

— Подруга ушла.

— Она вернётся.

— Я могу подождать.

— Не надо.

Он сделал шаг ближе.

— Ты чего такая серьёзная?

Аня отступила.

— Просто оставь меня.

— Я же нормально разговариваю.

— Я сказала — оставь.

Он протянул руку и коснулся её запястья.

Слишком крепко.

В этот момент Аня впервые увидела Максима.

Он стоял в нескольких метрах.

Не кричал.

Не двигался.

Просто смотрел.

И почему-то именно это было страшнее крика.

Музыка в клубе была слишком громкой, но Аня впервые за долгое время не хотела, чтобы стало тише.

Лера танцевала рядом.

— Не оглядывайся, — сказала она.

— Почему?

— Потому что тот парень снова смотрит.

Аня посмотрела.

Роман действительно стоял у стойки.

Она отвернулась.

— Я его знаю?

— Нет.

— Тогда почему он смотрит?

— Может, понравилась.

— Мне это не нравится.

Лера перестала улыбаться.

— Тогда идём.

Они направились к выходу из танцпола.

Роман оказался рядом быстрее, чем Аня ожидала.

— Ты чего уходишь?

— Домой.

— Рано.

— Мне не интересно.

Он улыбнулся.

— Не надо так резко.

— Я нормально сказала.

Он сделал шаг.

Аня отступила.

— Я сказала, отойди.

Рука сомкнулась на её запястье.

Слишком быстро.

Слишком крепко.

Аня дёрнулась.

— Отпусти.

— Да чего ты испугалась?

Она снова попыталась вырваться.

И тогда между ними появился Максим.

Он не выглядел героем.

Наоборот.

В его лице было что-то очень спокойное.

— Убери руку.

Роман посмотрел на него.

— А ты кто?

— Человек, который попросил тебя убрать руку.

— Не твоё дело.

Максим сделал шаг.

— Теперь моё.

Роман усмехнулся.

— Герой?

— Нет.

Пауза.

— Просто она сказала «нет».

Аня запомнила именно эти слова.

Не угрозу.

Не драку.

Это простое «нет».

И потом всё случилось слишком быстро.

Глава 4. До дома

Глава 4. До дома

Холодный ноябрьский воздух Челябинска ударил в лицо, едва Аня толкнула тяжелую стеклянную дверь клуба. После душного, пропахшего кальяном и потом зала «Гаража» ночная улица показалась ей ледяным душем. Она резко вздохнула, кутаясь в

пальто, которое теперь казалось слишком тонкой защитой от промозглого ветра. Трясло ее уже не от холода, а от затянувшегося адреналинового отходняка. Лера осталась внутри — в суматохе у нее оторвался ремешок на туфле, и она ушла искать гардеробщика. Аня пообещала подождать на крыльце. Мужчина в черной футболке стоял в нескольких шагах от нее, у чугунных перил. Он уже успел накинуть темную куртку, но не застегивал ее. Из кармана достал помятую пачку, щелкнул зажигалкой. Огонек на секунду выхватил из полумрака его резкое лицо, глубокую царапину на скуле и каплю темной крови, запекшуюся в углу нижней губы. Он курил молча, глядя куда-то сквозь серую дымку дворов, и не проявлял к ней интереса. Он не пытался подойти ближе, не навязывался, не вел себя как герой, требующий награды за спасение. — Я сама доеду, — громко сказала Аня, стараясь, чтобы голос звучал как можно тверже. Ей было важно сразу обозначить границы. — Сейчас вызову такси через прило-

жение. Спасибо вам за... ну, за то, что заступились. Мужчина медленно выпустил струю дыма в сторону, даже не повернув к ней головы. — Хорошо. Этот короткий, равнодушный ответ почему-то уколол ее гордость. Аня поправила сумку и пошла вниз по ступеням. Каблуки кроссовок глухо застучали по неровному асфальту. Но стоило ей отойти от освещенного крыльца клуба на десяток метров, как уверенность испарилась. Тротуар вдоль глухой стены швейной фабрики погрузился в абсолютной темноте. Фонари на этой улице горели через один, а впереди, возле закрытого круглосуточного павильона, шумела какая-то нетрезвая компания. Мысль о том, что Роман или его приятели могли выйти через другой выход и караулить ее во дворах, холодной волной прошлась по спине. Пальцы, державшие телефон, онемели. Она остановилась. Обернулась. Мужчина всё еще стоял у перил, лениво провожая ее взглядом. — Подожди, — Аня сделала два шага назад, чувствуя себя глупо. — Проводишь? Тут... темно очень. До перекрестка хотя бы. Он ничего не ответил. Просто выбросил окурочок в урну и спустился к ней. Они пошли рядом. Он держался на расстоянии полуметра, не пытаясь сократить дистанцию, словно уважал ее страх. От него пахло хорошим табаком, морозной свежестью и чем-то хвойным, чистым. Этот запах странным образом глушил ночную тревогу. Аня молчала, подбирая слова, но он, казалось, в разговорах не нуждался. Его шаги были тяжелыми, размеренными и очень уверенными. Они пересекли перекресток, прошли

мимо спящих пятиэтажек и свернули в ее родной, заросший тополями двор. Когда впереди показалась знакомая железная дверь ее подъезда, Аня облегченно выдохнула и полезла в карман пальто за ключами. Пальцы наткнулись на пустоту. Она замерла. Сердце сделало трусливый кувырок. Она начала резко хлопать себя по карманам, обыскивать маленькую сумочку — тщетно. Студенческий билет, в который она по привычке вложила ключи от квартиры и последние несколько сотен рублей, исчез. — Черт, черт, черт... — зашептала она, чувствуя, как к горлу подступает паника. Разбудить мать в три часа ночи домофоном, вернуться без ключей, да еще и после драки — это означало навсегда попрощаться со слабыми зачатками доверия в семье. — Ищешь это?

Мужчина протянул руку. На его широкой, покрытой мелкими ссадинами ладони лежал синий пластиковый студенческий. На фотографии двухлетней давности Аня — еще с длинными волосами и глупой, открытой улыбкой — смотрела на мир без тени нынешней усталости. Аня ошарашенно перевела взгляд с карточки на его лицо. — Ты издеваешься? — вырвалось у нее. — Ты всё это время носил его с собой и молчал? — Хотел вернуть, — спокойно ответил он, и в его серых углах глаз скользнула едва заметная усмешка. — Но ты так усердно доказывала мне, что доедешь сама, что я решил подождать, пока ты вспомнишь о замках. Держи. Он вложил пластик в ее пальцы. Его ладонь на секунду коснулась ее кожи — она была горячей, несмотря на холод. Аня

забрала студенческий, но уходить не спешила. Она посмотрела на его разбитую, опухшую губу, из которой снова начала сочиться кровь. — Поднимись, — тихо сказала она, кивнув на дверь. — У меня дома есть перекись и пластырь. Я обработаю. Это из-за меня. — Нет, — отрезал он. — Почему? Я просто хочу помочь. — Ты выпила, Аня, — его голос прозвучал мягко, но с такой тяжелой, взрослой интонацией, от которой спорить стало невозможно. — Утром алкоголь сойдет, и ты можешь пожалеть, что впустила в квартиру незнакомого мужика среди ночи. Всё, что ты сейчас делаешь — неправильно. Была бы трезвая, ты бы ко мне спиной не повернулась. Аня нахмурилась, уязвленная его прямоотой. Под блеклым, мигающим светом подъездного козырька он казался еще крупнее, жестче и опаснее. Но его поступки и слова ломали этот образ дворового бойца. — Ты всегда такой правильный? — с легким вызовом спросила она. Он улыбнулся. Улыбка вышла кривой из-за разбитой губы, но в ней была странная, притягательная теплота. — Нет. Но сегодня очень пытаюсь. Набирай код. Аня повернулась к домофону, послушно нажала кнопки и дернула тяжелую дверь. Перед тем как переступить порог, она обернулась. Она не знала его фамилии, не знала, кто он и откуда взялся в этом забытом богом клубе на окраине. Но его имя уже прочно засело в ее мыслях. — Спасибо, Максим. — Иди, — тихо ответил он. — Я подожду, пока в твоём окне загорится свет. Аня взлетела на третий этаж, стараясь не шуметь ключами. Проскольз-

нув в квартиру, она не стала зажигать свет в коридоре. На цыпочках прошла на кухню, осторожно отодвинула в сторону плотную тюлевую занавеску и прижалась лбом к стеклу. Максим стоял внизу, у невысокого забора палисадника. Он дождался, пока в темном окне третье этажа появится слабый, колеблющийся отсвет от экрана ее телефона. Убедившись, что она дома, он накинул капюшон, повернулся и не спеша пошел прочь, растворяясь в густой серой дымке челябинского двора. Аня смотрела ему вслед, пока его силуэт окончательно не растаял под редкими фонарями. Внутри нее, вопреки здравому смыслу, билась одна-единственная мысль: она видит его в последний раз. И от этой мысли почему-то было чертовски тоскливо.

На улице холод сразу снял остатки клубного жара. Аня стояла под навесом и смотрела, как Максим прикладывает салфетку к разбитой губе.

— Ты вообще нормальный?

— Иногда.

— Тебя же ударили.

— Я заметил.

— Зачем ты полез?

Максим посмотрел на неё.

— Ты хотела, чтобы я не полез?

Аня открыла рот и закрыла.

— Нет.

— Тогда всё нормально.

Они пошли к её дому. Снег таял на плечах его куртки.

— Ты одна?

— Нет. У меня дочь.

Он замедлил шаг.

— Дочь?

— Двухлетняя.

— Ты очень молодо выглядишь.

— Это комплимент или диагноз?

Он усмехнулся.

— Наблюдение.

У подъезда Аня остановилась.

— Поднимешься?

Максим посмотрел на неё, потом на часы.

— Нет.

— Почему?

— Ты выпила.

— И?

— И завтра можешь решить, что сегодня ничего не хотела.

Эта фраза почему-то отрезвила её сильнее холодного воздуха.

— Ты всегда такой правильный?

— Нет. Просто иногда умею вовремя остановиться.

Она протянула руку.

— Аня.

— Максим.

— Спасибо, Максим.

Он кивнул.

— Иди домой.

— Ты даже не спросишь номер?

— Если захочешь, найдёшь меня.

Он достал из кармана её студенческий билет.

— Ты уронила.

Аня взяла его.

— Ты мог оставить себе.

— Зачем?

— Не знаю.

Он посмотрел на освещённое окно её квартиры.

— Доброй ночи, Аня.

И ушёл.

Она поднялась домой и ещё долго стояла у окна, наблюдая, как его силуэт исчезает между припаркованными машинами.

После ухода Максима Аня ещё минуту стояла в подъезде.

— Ты чего? — спросила соседка, поднимаясь по лестнице.

— Ничего.

— Парень?

Аня посмотрела на дверь.

— Нет.

— Значит, скоро будет.

Она поднялась домой.

Мать встретила её в коридоре.

— Соня спит.

— Хорошо.

— Где была?

— С Лерой.

— Мужчина был?

Аня сняла куртку.

— Мам.

— Я просто спрашиваю.

— Нет.

Она соврала.

Не потому, что хотела скрывать Максима. Она сама ещё не знала, кто он.

Ночью Аня открыла холодильник, достала воду и снова увидела записку.

«Не забыть жить».

Она подумала о фразе Максима: «Если захочешь, найдёшь меня».

Станный человек.

Обычно мужчины старались получить номер сразу.

Этот будто специально оставил ей право решить.

Она легла и закрыла глаза.

Через минуту снова открыла.

Телефон лежал рядом.

Она набрала в поиске его имя.

Ничего не нашла.

— Конечно, — прошептала она.

И впервые поняла, что хочет найти его не потому, что он спас её, а потому, что ей интересно, кто он такой.

Дополнительная сцена после главы 4

Через несколько дней Аня случайно увидела Максима в магазине.

Он стоял у полки с детским питанием и выглядел так, будто решал вопрос государственного значения.

— Ты чего здесь?

Он повернулся.

— Покупаю кашу.

— Себе?

— Соне.

Аня подошла ближе.

— Ты не обязан.

— Знаю.

— Тогда зачем?

— Ты сказала, что она любит яблочную.

Аня посмотрела на тележку.

Там была именно яблочная.

— Ты запомнил?

— Да.

— Это странно.

— Почему?

— Потому что я сама иногда забываю.

Максим взял вторую пачку.

— Тогда будет запас.

— Ты невыносим.

— Часто слышу.

Они пошли к кассе.

— Я могу заплатить.

— Можешь.

— И заплачу.

Он ничего не сказал.

Аня достала карту.

У кассы Максим не остановил её.

На улице она спросила:

— Ты специально не спорил?

— Да.

— Почему?

— Потому что это твоя дочь.

Она посмотрела на него.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что понимаешь разницу между «я хочу помочь»

и «я имею право».

Он кивнул.

У подъезда Максим не сразу уехал.

Аня поднялась на второй этаж, потом остановилась у окна между лестничными пролётами.

Через стекло она увидела его машину.

Он сидел за рулём.

Не звонил.

Не сигналил.

Просто ждал.

Аня сама удивилась тому, что ей захотелось спуститься.

Она вышла во двор.

— Ты чего не уехал?

Максим поднял глаза.

— Убедиться, что ты дома.

— Я уже дома.

— Теперь могу ехать.

Она улыбнулась.

— Ты странный.

— Мне говорили.

— Кто?

— Люди, которые плохо меня знали.

— А я?

— Ты пока слишком хорошо не знаешь.

Аня прислонилась к двери машины.

— А если я узнаю и мне не понравится?

Он посмотрел прямо на неё.

— Тогда ты уйдёшь.

— И ты отпустишь?

Пауза.

— Если скажешь, что это твоё решение.

Эта фраза почему-то осталась у неё в голове на всю ночь.
В квартире Аня закрыла дверь и несколько секунд стояла, прислонившись к ней спиной.

Соня спала.

Мать смотрела телевизор.

Отец что-то чинил на кухне.

Всё было как раньше.

Только внутри неё — нет.

— Кто тебя привёз? — спросила мать.

— Знакомый.

— Какой знакомый?

— Просто знакомый.

Галина Ивановна посмотрела на неё слишком внимательно.
но.

— Ань.

— Мам.

— Не связывайся с неприятностями.

Аня устало улыбнулась.

— Я уже связалась.

Мать хотела что-то сказать, но промолчала.

Аня прошла в комнату.

На холодильнике висела старая записка.

Она сняла её, посмотрела и снова прикрепила.

«Не забыть жить».

Сегодня эти слова почему-то звучали иначе.
Когда Аня вошла в квартиру, Соня уже проснулась.

— Мама!

Она бросилась к ней.

Аня подняла дочь на руки и почувствовала, как напряже-

ние всего вечера начинает понемногу уходить.

— Я дома.

Соня обняла её за шею.

Галина Ивановна вышла из кухни.

— Поздно.

— Знаю.

— Где была?

Аня посмотрела на неё.

Раньше она бы оправдывалась.

Теперь просто сказала:

— С человеком.

Мать нахмурилась.

— С каким?

— С хорошим.

— Ты слишком мало его знаешь.

— Знаю.

Аня улыбнулась.

— Поэтому пока просто узнаю.

Отец выглянул из комнаты.

— Правильно.

Галина Ивановна посмотрела на него.

— А ты молчи.

Он усмехнулся.

— Я и молчу.

Аня рассмеялась.

Впервые за долгое время дома стало легко.

Совсем ненадолго.

Но легко.

— Учусь.

Глава 5. Семь дней

Глава 5. Семь дней

Следующая неделя тянулась серой, липкой лентой, в которой каждый день был точной копией предыдущего. Практика в колледже, переполненный душный автобус, пахнущий мокрыми зонтами и выхлопными газами, бесконечные очереди в супермаркете у дома. Дома — капризная, уставшая от прорезывающихся зубов Соня, тихий бубнеж отцовского телевизора и тяжелый, укоризненный мамин голос, который, казалось, звучал даже тогда, когда Галина Ивановна молчала. В свои двадцать лет Аня всё еще училась на втором курсе колледжа. После рождения Сони ей пришлось взять вынужденный академический отпуск, а когда она вернулась, ее прежняя группа уже разлетелась кто куда. Теперь она сидела за одной партой с ребятами, которые были младше всего на два года, но эта разница казалась Ане пропастью в целую жизнь. Они жили легко и шумно, планировали выходные, ссорились из-за пустяков. Аня же, глядя на них, ловила себя на горькой мысли: она безнадежно отстала от собственной жизни. Ее личное время замерло в семнадцать, а реальность требовала быть взрослой здесь и сейчас. Во вторник, стоя на остановке под мелким, колючим дождем, Аня поймала себя на глупости. Она неосознанно сканировала толпу прохожих, выхватывая взглядом мужские силуэты в черных

куртках и простых темных футболках. Она злилась на себя, мысленно давала пощечины за эту глупую, детскую романтику, но взгляд упрямо искал серые, спокойные глаза незнакомца из клуба. В среду на лекции по калькуляции Денис молча пододвинул ей запасную гелевую ручку взамен ее сразу потекшей. — Держи, Соколова. Ты сегодня опять где-то в облаках летаешь, — тихо шепнул он, улыбаясь. — Спасибо, Ден, — Аня благодарно кивнула, забирая ручку. На душе стало чуть теплее от этого простого человеческого жеста. Ей отчаянно не хватало нормального, легкого общения, где от нее не требовали отчетов. А в четверг иллюзия спокойствия рухнула. Телефон завибрировал прямо во время вечернего кормления Сони. На экране высветился незнакомый номер. Аня провела пальцем по стеклу, ожидая звонка от старосты, но в мессенджере всплыло текстовое сообщение: «Привет. Это Роман». Пальцы Ани дрогнули. Ложка с яблочным пюре едва не выскочила из рук. Она замерла, глядя на экран, пока Соня требовательно стучала ладошкой по столику. Аня быстро, не задумываясь, отправила номер в черный список. Внутри зашевелился тот

самый липкий, холодный страх, который она так отчаянно пыталась забыть после пятницы. Через час пришло новое сообщение, уже с другого, незарегистрированного номера: «Я знаю, где ты учишься». Аня не ответила. Она выключила экран, но строчки будто выжглись на внутренней стороне век. Вечером, возвращаясь из продуктового магазина

с тяжелым пакетом, Аня затормозила у входа во двор. Возле глухой стены трансформаторной будки, прямо под раскидистым томимым тополем, стояла чистая, блестящая иномарка. Сквозь лобовое стекло, подсвеченное изнутри панелью приборов, Аня отчетливо увидела силуэт Романа. Он не выходил из машины. Не сигналил. Он просто сидел, положив руки на руль, и неотрывно смотрел на нее сквозь полуприкрытое стекло. В этом неподвижном взгляде было столько сытой, уверенной наглости, что у Ани перехватило дыхание. Она ускорила шаг, почти взбежала на крыльцо и с силой захлопнула за собой железную дверь подъезда. Оказавшись в квартире, Аня повернула ключ в замке. Один раз. Металл глухо щелкнул. Она постояла, тяжело дыша, и повернула ручку еще раз. Потом, повинуясь какому-то паническому импульсу, проверила замок в третий раз, дернув дверь на себя. В комнате Соня мирно спала, разметав по подушке светлые кудряшки. Аня опустилась на край ее кровати, подтянув колени к подбородку. Руки мелкой дрожью выдавали ее состояние. Больше всего на свете ей сейчас хотелось достать телефон и набрать Леру, выречь ей всё, что скопилось внутри. Но, открывая список контактов, Аня поймала себя на страшной, пугающей мысли. Первым человеком, о котором она подумала в минуту настоящей опасности, был не Денис и даже не Лера. Ей до безумия, до боли в груди хотелось увидеть Максима. Человека, которого она видела всего один раз в жизни, но рядом с которым чужой навязчивый

страх становился тише, отступая перед его тяжелым, абсолютным спокойствием. И это осознание собственной слабости пугало ее едва ли не сильнее, чем стоящая под окнами машина Романа.

Первый день после «Гаража» Аня решила, что ничего не произошло.

Второй — что Максим ей приснился.

Третий — что ей всё равно.

На четвёртый Лера сказала:

— Ты уже четыре раза спросила, где в Челябинске находится бизнес-центр «Север».

— Просто интересно.

— Конечно.

Пятый день прошёл в колледже. Шестой — в очереди за лекарствами для Сони.

На седьмой день Аня возвращалась из магазина, когда заметила знакомую фигуру возле автобусной остановки.

Сердце сначала обрадовалось, а потом испугалось собственного движения.

Но это был не Максим.

Это был тот мужчина из клуба.

Роман стоял через дорогу и смотрел прямо на неё.

Аня остановилась.

Он улыбнулся.

Телефон в кармане завибрировал.

Неизвестный номер: «Челябинск — город маленький».

Она подняла глаза.

Роман уже переходил дорогу.

Семь дней оказались длиннее, чем Аня ожидала.

В понедельник она увидела мужчину в серой куртке у автобусной остановки и сердце предательски дёрнулось.

Во вторник ей показалось, что похожая машина проехала мимо колледжа.

В среду она поймала себя на том, что поправляет волосы перед зеркалом.

В четверг Лера сказала:

— Ты ждёшь его.

— Нет.

— Ага.

— Я просто...

— Просто?

— Просто интересно.

Лера пожала плечами.

— Любопытство — первый симптом.

— Чего?

— Влюблённости.

— Уйди.

Лера засмеялась.

В пятницу Аня купила Соне новые варежки.

В субботу стирала.

В воскресенье пекла бисквит.

Жизнь шла дальше, и это было почти обидно. Она ожида-

ла, что после той ночи мир изменится. Но мир не изменился. Только она сама стала внимательнее прислушиваться к себе. А потом пришло сообщение с неизвестного номера. Следующие семь дней не были похожи друг на друга.

В понедельник Аня пыталась убедить себя, что всё случившееся в клубе — случайность. Во вторник она дважды ловила себя на том, что ищет глазами знакомую тёмную куртку возле колледжа. В среду Лера заявила, что Аня ведёт себя как человек, который ждёт автобус, о котором никто не объявлял.

— Ты опять смотришь в окно, — заметила она.

— Я просто смотрю.

— Конечно. На парковку. Уже десять минут.

Аня отвернулась.

— Он не придёт.

— Ты разочарована?

— Нет.

— Тогда почему у тебя такое лицо?

— Какое?

— Как будто тебе вернули контрольную с двойкой.

Аня хотела огрызнуться, но не нашла подходящих слов.

В четверг ей впервые написал Роман.

Номер был незнакомым.

«Надеюсь, синяк у твоего героя прошёл».

Аня перечитала сообщение несколько раз.

Она заблокировала номер.

Через два часа пришло другое.

«Не люблю, когда меня игнорируют».

Она снова заблокировала.

Вечером она рассказала всё матери.

Галина Ивановна выслушала молча, продолжая складывать выстиранные детские вещи.

— Номер поменяй.

— И что дальше?

— Дальше не ходи одна.

Аня подняла глаза.

Мать обычно говорила с ней резко, иногда жестоко. Но сейчас в её голосе не было привычного раздражения.

Только страх.

— Мам...

— Я серьёзно, Ань. Я тебя могу ругать сколько угодно. Но если кто-то тронет тебя или Соню...

Она не договорила.

Аня впервые увидела, что за постоянными упрёками действительно может стоять любовь, просто очень неумелая.

В пятницу у магазина ей показалось, что тот же мужчина стоит через дорогу. Она замерла возле автоматических дверей, пока он не ушёл.

В субботу новый номер написал:

«Челябинск — город маленький».

На этот раз Аня не стала отвечать.

Она просто положила телефон на стол и долго смотрела на него.

Ей хотелось позвонить Максиму.

И именно поэтому она не позвонила.

Слишком легко было принять его помощь. Слишком быстро можно было привыкнуть к тому, что рядом есть человек, который решит проблему.

Аня взяла из кармана розовую резинку Сони и сжала её в ладони.

— Сама, — тихо сказала она себе.

Слово получилось неуверенным.

Но настоящим.

В воскресенье Аня решила не выходить из дома.

Соня рисовала на полу.

Галина Ивановна смотрела телевизор.

Отец чинил старый радиоприёмник.

Обычный день.

Но телефон лежал рядом с Аней экраном вверх.

Она ждала.

Не сообщения.

Не звонка.

Сам факт, что он может написать.

В четыре часа экран загорелся.

«Как Соня?»

Аня долго смотрела на сообщение.

«Хорошо».

Через минуту:

«А ты?»

Она усмехнулась.

«Устала».

Ответ пришёл почти сразу:

«Это я уже понял».

Она написала:

«Откуда?»

«Ты ставишь точку после слова «устала», когда действительно устала».

Аня посмотрела на сообщение и впервые за день рассмеялась.

Он замечал слишком много.

И это пугало.

В конце недели Аня поймала себя на странной мысли.

Она скучала по человеку, которого почти не знала.

Это было нелогично.

Она знала его лицо.

Голос.

Запах парфюма.

Знала, как он держит чашку, как молчит, когда злится, как смотрит на Соню.

Но не знала, каким он бывает утром.

Что делает, когда проигрывает.

Что делает, когда ему больно.

Поэтому она не позволяла себе называть это любовью.

Пока.

В субботу она пошла с Соней в магазин.

На выходе увидела знакомую машину.

Максим стоял рядом.

— Ты что здесь?

— Покупал кофе.

— В детском магазине?

Он посмотрел на пакет в руке.

— Хорошо.

Аня рассмеялась.

— Ты ужасный лжец.

— Я хотел увидеть тебя.

Прямота обезоружила.

— Мог написать.

— Мог.

— Почему не написал?

— Не хотел мешать.

Аня посмотрела на Соню.

— Ты не мешаешь.

Он улыбнулся.

— Тогда можно пройти с вами?

Соня потянула мать за руку.

— Дядя Макс.

Максим замер.

Аня тоже.

Это было первое слово Сони о нём, которое прозвучало так естественно.

— Можно, — сказала Аня.

И они пошли втроём.

И всё снова стало другим.

Глава 6. Он снова здесь

Глава 6. Он снова здесь

В пятницу небо над городом окончательно налилось свинцом. Мелкая, ледяная изморось въедалась в одежду, превращая тротуары возле колледжа в скользкое месиво из грязи и палой листвы. Аня вышла с последней пары по кондитерскому делу уставшей настолько, что пальцы рук до сих пор пахли ванильным сахаром и жженым карамельным сиропом. Она на ходу заматывала шею старым серым шарфом, мечтая только об одном — забрать Соню от матери, доползти до кровати и провалиться в глухой сон без сновидений. Но стоило ей переступить порог тяжелых деревянных дверей учебного заведения, как воздух в легких мгновенно замерз. Роман ждал ее прямо у чугунной калитки.

Сегодня на нем не было куртки из клуба — тяжелое дорожное пальто, воротник поднят, а в руках дымилась сигарета. Заметив Аню, он швырнул окурок прямо под ноги и сделал широкий шаг вперед, перекрывая ей дорогу к остановке. — Ань! — его голос прозвучал слишком громко, заставив нескольких первокурсников обернуться. Аня инстинктивно вжала голову в плечи и резко взяла вправо, пытаясь обойти его по газону. Шаг стал быстрее, почти переходя на бег. Внутри все сжалось в тугую, болезненный узел. — Стой, тебе говорят! — Роман в два счета догнал ее, протянул ру-

ку и с силой схватил за локоть через ткань осеннего пальто. Пальцы сжались до боли, заставляя ее остановиться. — Отпусти меня, Роман! — Аня попыталась вырваться, но он дернул ее на себя, заставляя встать почти вплотную. От него пахло дорогим алкоголем и мятой. — Да ладно тебе, Соколова, че ты бегаешь от меня как школьница? Я просто поговорить хотел. Нормально, по-человечески. За ту ситуацию в клубе... — Убери руку. Голос раздался из серой пелены дождя, прямо из-за спины Романа. Короткий, ровный, лишенный каких-либо эмоций. Но этот тон Аня узнала бы из тысячи. Она повернула голову. Максим стоял в трех шагах от них. На нем была та же расстегнутая куртка, темные джинсы и простые кеды, которые уже успели промокнуть от луж. На его скуле всё еще бледнел след от прошлой ссадины, но серые глаза смотрели на Романа с таким ледяным спокойствием, от которого по коже бежали мурашки. Роман медленно, неохотно разжал пальцы и обернулся, кривя губы в презрительной усмешке. Он окинул Максима оценивающим взглядом, задерживаясь на его промокшей обуви. — О, а вот и наш рыцарь в обносках, — Роман сделал шаг навстречу Максиму, пытаясь казаться выше и внушительнее. — А ты опять ее сторожишь? Работа у тебя такая, дворняжка? — Нет, — спокойно ответил Максим. Его руки оставались в карманах джинсов, плечи были расслаблены. — Тогда отошел в сторону. Мы сами разберемся. — Не хочу, — так же тихо отозвался Максим. Роман не выдержал первым. Сорвавшись на

глухой рык, он резко выбросил вперед правый кулак, целясь Максиму в челюсть. Удар был сильным, тяжелым. Максим не успел полностью уклониться — кулак Романа по касательной задел его скулу. Максим качнулся назад, подошвы кед скользнули по мокрой листве, но он устоял. Аня вскрикнула, закрывая рот ладонями. Ей хотелось броситься между ними, позвать на помощь, закричать, но голос пропал. В следующую секунду лицо Максима изменилось. Это произошло мгновенно: всё его напускное, тяжелое спокойствие словно треснуло, и наружу вырвалась чистая, первобытная ярость. Он сделал резкий шаг вперед, перехватил следующую руку Романа на взлете и с глухим, страшным звуком впечатал свой кулак прямо ему в переносицу. Роман охнул, оседая на колени. Максим не остановился. Он схватил парня за воротник дорогого пальто, вздернул вверх и нанес еще один короткий, сокрушительный удар в челюсть. Роман повалился на грязный асфальт, пачкая светлую одежду в жиже из

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.